

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Варвара — краса бесконечная

ТЯЖЁЛЫЙ СЛУЧАЙ В некотором царстве, некотором государстве жил-поживал да державой управлял владыка строгий, но справедливый — император Емельян. Ходил он не трезв и не пьян. Вдовец, не толст был и не худ, но имел изрядный уд. От боярынь охочих да дев любезных не прятался, но выбирал лично, коей из сладострастниц срамную щель высочайше облагодетельствовать. Бояре думные да министры за супружниц зла на государя не держали, имея следствием для себя дары царския да оклады немалыя.

И была у государя дщерица юная, царевна Варвара, кою за прелести ея сказочные Варварой-красой в царстве величали.

Как стукнуло царевне тринадцать годков, велел император Емельян пир закатить на всю столицу да с салютом воинским в тринадцать залпов. Гуляла-веселилась столица, меды да пиво рекою текли, быков на площадях целиком жарили да народ простой угощали от пуза — ешь, не хочу!

Во дворце царском словно скатерть-самобранку развернули! Тут тебе коньяк и арманьяк, икра и фуагра, шампанское и гишпанское, водка и селёдка, виски и сосиски! Хошь — ешь фрикасе, хошь — ананас в глясе, хошь — паштет, а хошь — комплексный обед!

Наелись гости, напились, а тут и салют вдарил! Под залпов грохот стоит во дворце хохот — веселится знать, спешит царевну поздравлять. Подошла с улыбкой боярыня Собакина Ксения, да тут на беду как грянет гром! То пушку на залпе разорвало, да стрельцов при ей посекло. Аж стёкла зеркальня полопались в окнах! Боярыня Ксения тут и обклаталась с перепугу! И вместо слов сердешных царевне-именинице выпалила: «Да чтоб тебе, зараза, пусто было! Да чтоб тебе пизда душу холодила! Да чтоб тебе не кончить до старости ни разу!» Стража схватила боярыню-заразу, носы зажавши, да и вытолкала из дворца взашей. Такие слова не для царевнинных ушей!

Государь рассвирепел, аки самовар закипел. «А подать мне сей же час генерал-фельдмаршала Генриха Гамбургского! Пуцай ответ держит, как так он матчасть содержит!» Кинулись фельдмаршала искать, ан нет его в зале, нет и в подвале! Ни на дворе ни на горе, ни в арсенале ни на сеновале. Всю столицу обыскали, в элитном борделе сыскали! С девки стащили, во дворец притащили. Хорошо, с пинками не переборщили.

Император Емельян к тому часу напился пьян, да шашкой и рубанул: «Чтоб ты впредь в пизде не тонул, генерал Генрих, хрен Гамбургский в перьях, повелеваю все бордели в державе закрыть-запретить, девок гулящих к делу определить, владельцев борделей по миру пустить!»

И пошла в державе жисть — не е б а мши спать ложись. Растоптал тиран свободу, плюнул в душеньку народу! А в остальном прочем — жили как жили, о боярыне Ксении и думать позабыли.

А царевна-краса тем временем в пору пришла. И подружки, дочки боярские да фрейлины дворцовые нажужжали Варваре в уши, как можно удовольствие несравненное получить, да без всяких хитростей, пальчиком одним! Ан не вышло у Варвары ни одним пальчиком, ни двумя, ни всеми десятью... Окромя потёртостей да жжения никакого наслаждения! Поди-ка, поелозь пальцами в срамном месте посуху! И смазки-гели заморския не помогли, хотя от потёртостей и сберегали.

Снискали тогда боярышни и доставили Варваре-красе забаву заморскую, яко уд срамной

сработанную. Дылдою зовётся непотребная та забава. На одном конце у ней колечко ребристое: повороти то колечко посолонь, по солнышку, и затрясётся уд мелким бесом. Повороти колечко встреч солнца, тряска тут же кончится. А коль на пупочку, что в торце колечка выступает, надавишь, так из щёлки малой, что на другом конце уда прорезана, тёплая жижица брызнет. Подружки ушлые, хихикая, обсказали царевне, что дылда та — точь в точь яко живой уд мужчинский спускает.

И почалось в девичьих хоромех веселье. Писк стоит, визг радостный, стоны да крики разносятся по покоям. Разносятся, да за пределы не выходят: толсты стены в хоромех, крепки двери!

Ужо налюбовалась Варварушка, как подружки титьки свои ласкают, как щёлки свои теребят, как дылдою той по губкам интимным водят. А которые девки и вовсе оторвы безбашенные, так те оную дылду в себя засовывают, да глыбоко — одно только колечко наружу и торчит! И корчатся, и стонут, и плачут от сладостной муки. Всем хорошо, всем сладко, девки кончают по десять раз на дню, одной Варваре-царевне печаль: ей что через аршинную стенку розу нюхать, что дылдою той себя тешить — всё едино! Така же сладость!

Долго ли, коротко ли забавы девичьи длились, но прознал про них да про беду царевнину государь-император. Шила в мешке не утаишь!

Император Емельян баб да девок перепробовал тьму, кака така сладость для женского нутра — еться с мужчиною справным — знал досконально. Потому и закручинился, о горькой царевниной участи помывлив. Коль приятности от утех любовных Варварушка знать не будет, то и очерстветь душой, остервенеть может, характерец змеиный приобрести. Какая ж тогда из неё государыня-матушка? Какая народу заступница? Умный был государь Емельян, понимал, что не только страхом, но и любовью народ управляется!

Смикитил царь, помывлив государственно, жбанчик арманьяка заморского приговорив: то ж боярыни Собакиной проклятье на царевне лежит, той самой, что обклалась с перепугу! И велел царь-император боярыню сыскать да на царёв двор, не мешкая, привести.

Сыскали Ксению не сразу. От гнева государева да позора забила она куда подале. У самой городской черты затаилась, в Капотне прокопчёной. Но от молвы людской не укроешься ни в Капотне, ни даже в самом Мухосранске. Окрестил честной народ Ксению говённой боярыней! Прилип титул к засранке благородной, как банный лист к жопе.

Как доставили говённую боярыню во дворец, государь велел ей заклать с царевны снять под страхом казни лютой. Бухнулась царю в ноги Ксения, волосья на себе дерёт, щёки в кровь раздирает. «Ой, да не губи ж ты, государь-батюшка, меня, дуру грешную! Ой, да виноватая я пред царевною-красой! Ой, да где ж мне колдовать-то! Ой, да бес меня попутал, дуру безмозглую! Ой, да никто мне не платил за это!» На полчаса закатила говённая боярыня истерику, причитая да по полу катаясь, пока царь не плюнул, и стража не спустила её с дворцового крыльца. «Выгнать эту дуру из державы на хрен!» — велел император и треснул кулаком по трону.

Сел государь думу думать с боярами. Как горю помочь? Первым делом созвали лекарей со всего света. Знаменитый на весь свободный мир доктор Хаус приехал на консилиум, да не один, а с командою своей. И доктор Быков со интерны, и доктор Купитман... Измучили царевну бедную анализами да рентгенами, томографиями да энцефалографиями, ЭКГ да УЗИ. Цельную неделю девку терзали, слушали да выстукивали, в глаза да в щель срамную заглядывали.

Спрашивает государь: «Ну, светила из светил, вылечите вы царевну, аль нет?» А сам ногой притопывает, нервничает, значит. Выступил тогда вперёд хитрый доктор Купитман и говорит: «Царевна Варвара чиста аки голубка, однако не невинна. Мы с коллегой Быковым полагаем, что царевна абсолютно здорова. А в таких случаях наша медицина, увы, бессильна! Мужайтесь, ваше величество!» Доктор Хаус стоял в глубокой задумчивости, опираясь на трость. При слове «величество» доктор встрепенулся, проглотил таблетку и развёл руки перед собой дюймов эдак на десять. «У вашей дочери аноргамия. И вот что ей поможет! Живой и тёплый орган вкупе с настоящим джентльменом, большой желательной, биг дик по-нашему, а по-вашему, кажется, *zdogovenny huu! Isn"t it, doctor Bykov?*» «Ес, ес, обэхаэс...», — пробурчал доктор Быков, взвешивая в кармане халата гонорар — тяжёлый столбик золотых монет. «Да тут полкило, не меньше! На новый мотоцикл хватит! Вместо разломанного пьяным венерологом Купитманом... « И радостно добавил: «Конечно, конечно, май диар френд!»

Вновь собрал царь думу боярскую. Сей раз на повестке был вопрос персональный: кого из царевичей и принцев приглашать для пробуждения Варвариной чувственности?

Первым, конечно, позвали принца с великой империи. Всем хорош принц: и кровь голубая, и джентльмен в хрен знает каком поколении, и воспитание у него, и образование университетское. И размер подходящий. Но мужчина оказался, как сырой дубовый паркет. Сам не загорелся, и в царевне пламя не разжёл. Проводили принца восвояси, дав ему в дорогу пуд чёрной икры. Принц обрадовался икре больше, чем красавице царевне: хорошая, мол, прибавка к унылому королевскому столу! Та же история повторилась и с его братом. С той лишь разницей, что брат потребовал два пуда икры. Для восстановления потраченных сил. А ещё — папёнке и бабушке любимой по ложечке.

Царевичей и принцев, в полной мере отвечающих заявленным техническим требованиям, на свете не так уж и густо. Времена не те. Вот в полгода и вычерпали голубую кровь вплоть до таких принцев, коих, ежели голыми в темноте повстречаешь, то и не разглядишь. Да и то сказать, так себе принцы были. Окромья того, свисавшего из-под набедренной повязки, что доктор Хаус назвал «биг дик», ничего за душой не имели. Отправили неудачников по ихним занюханым королевствам, оплатив услуги из расчёта «день приезда, день отъезда — один день».

Худые вести не лежат на месте. Вся держава опечалилась из-за провала проекта. И прозвал народ царевну бедную, радостям любви чуждую, Варварой — красой бесконечной. Потому как не могла царевна горемычная кончить! Не могла...

ДОН ХУАН

В ту пору печальную проезжал через столицу державы знатный гишпанский гранд Хуан Себастьян Антонио Мария Леонсия дель Салоу де Ла Пинеда. Красавец писанный — светлокудрый голубоглазый молодец, брови вразлёт, косая сажень в плечах, рост гвардейский. Пожелал знатный вояжёр с градом стольным ознакомиться, достойные примечания красоты оглядеть.

Ехал дон Хуан из краёв дальних, жарких, где бананы растут да обезьяны по веткам скачут. При доне Хуане секретарша находилась, мадемуазель Эммануэль. Сказывают, благородный дон крепко выручил беспутную мамзель, выкупил её у хозяина вонючего гоу-гоу бара то ли в Бангкоке, то ли в Гонконге, то ли в Макао. И увязалась девка за доном, как нитка за иголкой — куда он, туда и она. Ест его глазами, служит, будто собачонка преданная. Дон Хуан взглянет

только, а Эммануэль уже поняла, что шефу угодно. А уж как Эммануэль ночами своего спасителя ублажала, об том, коли расскажешь, то и не напечатают. Набралась девка в Юго-Восточной Азии тонких изысков любовных, коими мужчину любого к себе привязать можно крепче, чем манильским тросом.

Взял благородный дон номер в известном своей роскошью Гранд отеле, да не простой, а — посольские покои! Коли охота, можно, не выходя, на башни кремлёвские из окон любоваться. Только гранд на месте расслаживаться не привык, и опосля краткого отдыха соизволил выйти на променад. Как водится, в обществе верной секретарши — мамзели Эммануэли.

Идёт дон Хуан по столице, идёт по дорожке сада вдоль стены кремлёвской, воздухом морозным дышит, гулкие удары сердца считает. А сердце рвётся из груди от радости — дома он, наконец! На родине! Потому как был знатный гишпанский гранд Хуан Себастьян Антонио Мария Леонсия дель Салоу де Ла Пинедра простым расейским паренёком по имени Ваня, по фамилии Лаптев. А грандом стал по пьяной прихоти государя императора Емельяна. Как велел царь бордели позакрывать, да владельцев разорить, матушка Ванина, хозяйка того самого элитного борделя, где генерал-фельдмаршал зависал, не мешкая, за кордон кинулась. С узелком драгоценностей да сыночком Ванечкой. Поскиталась она по Европам, конечно, победствовала, аж до самой Гишпании добралась. А там свезло красавице славянской, влюбился в неё без памяти знатнейший и богатейший граф дель Салоу де Ла Пинедра. В жёны взял и Ванечку усыновил. Широкой души был старик, хотя и скареда изрядный. Стала матушка графинею, а как старый гранд приказал долго жить, Ванечка титул унаследовал — не было у старика детей.

Идёт Ванечка под стеной кремлёвской, детство босоное вспоминает, и чует вдруг, будто глядит кто-то на него пристально. Огляделся — никого, окромя Эммануэли, так и она не на него глазеет, а окрест. Дивно ей в северных краях — мороз лицо щиплет, белый снег под ногами скрипит, деревья стоят, будто в серебре. И купола золотые в синеве небесной горят. Что за напасть такая? Поднял голову благородный дон и встретился взглядом с девицею, что на кремлёвской стене стояла. Ах, и хороша была девица, ни в сказке сказать, ни пером описать! Да глаза у той девицы вельми печальные, грусть-госка в них так и плещется...

И — пропал дон Хуан Себастьян Антонио Мария Леонсия дель Салоу де Ла Пинедра! Влюбился с первого взгляда! Втрескался по уши, с места не сойдя!

Опосля променада, за ужином, ему и кусок в горло не лезет, и коньяк не льётся. Сидит, болезный, очи потупив, да воздыхает по чаровнице неведомой. Уж мамзель Эммануэль и так к нему, и эдак, а он и ухом не ведёт. А как ближе к ночи легли они в постелью шелковую, то и вовсе беда! Изыски Эммануэлины все попусту — ни реакции у дон Хуана, ни эрекции!

Ты, говорит он секретарше, мне сейчас ровно надувная кукла резиновая! Ненстоящая будто! Поняла тут Эммануэль, что растаяли её призрачные надежды на счастье со своим спасителем. Поплакала, конечно, беспутная мамзель, погоревала. Но душу имела мягкую, широкую, даром что из скупердяйского города Брюсселя родом была. Добро помнила. Любимому дону Хуану решила последнюю услугу оказать, а там видно будет. Глядишь, и не выгонит её благородный дон, оставит при себе.

Всё выяснила-распознала мамзель Эммануэль о девице с кремлёвской стены. Нет, не только за сладостные постельные утехи держал секретаршу при себе знатный гранд. Умела мамзель работать! И даже план действий составила, как несчастную Варвару-красу довести до оргазма! Благо, опыт Эммануэль имела не только с мужчинами.

Царевна Варвара, однако, тоже не осталась равнодушной, в глаза Ванечке заглянувши. На ватных, дрожащих ногах воротилась в покои. Дивное томленье охватило её душеньку, прежде небывалое. Есть-спать девка не может — то в холод, то в жар бедную бросает, всё Ванечкин образ из головы нейдёт!

Хочу, говорит, батюшка, повидать знатного гранда гишпанского. В газетах пишут, дон Хуан и путешественник изрядный, и собеседник прелестный, да и собой хорош! Пригласи оного дона на обед, чай, не пообедем? Одной икры принцам едва не тонну скормили попусту.

Прибыл к дону Хуану гонец государев с высочайшим приглашением. Так мол и так, их величество да их высочество к обеду зовут, извольте к пяти часам пополудни предстать пред светлы государевы очи. Форма одежды не регламентирована, поелику обед приватный. Секретаршу можете взять.

Печальная история царевны Варвары тронула Ванечку до слёз. Как же быть-то? Неужто нет никакого средства, дабы осчастливить горемычную красавицу?

Есть, говорит Эммануэль, такое средство! Можешь мне поверить!

А Ванечка сокрушается, мол, сколь спробовано принцев, а воз и ныне там — нет оргазму у царевны!

Тут секретарша и высказала шефу, в чём причина тех попыток неудачных. Доктор Хаус, говорит, может, и лучший в мире диагност, только женскую сущность до конца не постиг! Оттого глупость и посоветовал — биг дик, мол, лучшее лекарство! Да если хочешь знать, без всякого дика можно женщину довести до исступления и умопомрачения! Она у тебя обкончается, даже если ты из штанов свой дик и вовсе не достанешь. Языком работать надо! Уж на что дон Хуан продвинутый был любовник, а от услышанного рот раскрыл. Как, говорит, языком? Прямо в пизду, что ли?

Эммануэль согласилась, что туда тоже можно, но главное — есть у женщин такая штучка, клитор называется, средоточие всей чувственности. И предложила шефу порепетировать. Вот прямо сейчас и прямо с ней.

Только, говорит, ты сам не кончи ненароком, а то Варваре-царевне не останется на десерт! Шутит, значит, Эммануэль, а сама юбочку задирает, трусишки ничтожные с себя стаскивает, да на стол пред шефом забирается. Манит его, пальчиком на бритую щёлку кажет, ближе, мол, ближе. А как склонился благородный дон над щёлкою, она рукою на голову надавила, и на тебе — губы в губы!

Ну, что сказать? Понравилось Ване супротив ожиданий! И аромат особенный, из женских недр исходящий, и вкус удивительный, ни на что, допрежь спробованное, не похожий. Как горошинки малой, что меж губок появилась, коснулся Ваня языком, Эммануэль дёрнулась, будто её плетью ожгли! Только не отстранилась от языка, а наоборот, подалась к нему. Уж она стонала, извивалась, попкую туды-сюды елозила, и криком то и дело кричала. Опосля встала на столе на коленки, а шеф продолжил репетировать в другом ракурсе.

Кончилась ихняя репетиция по телефонному звонку, едва сквозь Эммануэлины крики расслышанному. Государев стольник передал царскую просьбу подготовиться к сурьёзному разговору на известную благородному дону тему.

Эммануэль будто растеклася по столу. Разбита я, говорит, как Германия! Всех сил, говорит, ты меня лишил, благородный дон Хуан! Обрати внимание, говорит, штанов ты так и не снял! И не снимай до решающего момента у царевны Варвары!

Царский обед протекал в тёплой, дружественной обстановке. Высокие стороны обменялись

мнениями по насущным вопросам современности и древности, обсудили цены на дрова и падение нравов в мире чистогана. Благородный дон не сводил глаз с прелестной визави — царевны Варвары. И она с него не сводила. И прошло мимо их внимания, как его императорское величество пялилось на простую секретаршу.

Оттого неожиданным показалось высокому гранду предложение государя воротиться к печалям несчастной царевны. Не знает ли выдающийся путешественник каких экзотических способов или средств, чтобы подарить Варваре-красе способность к оргазму?

Эммануэль на подмогу шефу пришла, едва заметно кивнув. Благородный дон Хуан изобразил на лице работу мысли, и отвечал венценосному собеседнику в том смысле, что, якобы, он припоминает: в самых отдалённых местах острова Бали, где он побывал с исследовательскими целями, есть племя, которое лечит холодность и бесчувственность своих женщин особым способом, именуемым куннилингус. Но методика эта никогда не проверялась на славянских и вообще европейских женщинах.

Дон Хуан, говорит государь задушевно, снизойдите до моей личной просьбы, попробуйте оный способ применить к царевне Варваре. Боле нам и надеяться не на кого, говорит. Всё, что угодно, просите — заради дочкина счастья ничего не жаль!

Ваше императорское величество, отвечает высокий гранд, ничего мне не надо, потому как влюбился я без памяти в её высочество! И для неё готов на всё!

И я, батюшка, царевна молвит, влюбилась без памяти! Люб мне дон Хуан, хоть на край света за ним пойду!

Пред дверью царевниной опочивальни мамзель Эммануэль ободряюще улыбнулась шефу. Только в глазах Эммануэлиных слёзы стояли...

Закрылась дверь за влюблёнными. Его величество осталось у двери, да всё на Эммануэль поглядывало. А как донеслися из-за двери сладостные стоны Варварины, да крики её счастливые, разрыдалась мамзель Эммануэль и пошла, спотыкаясь, прочь. Государь Емельян взял её за руку и говорит девице, мол, не согласится ли она поработать у его величества личным секретарём?..

Тут и сказке конец.